

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

В каждом казачьем хуторе или станице было немало разнообразной живности. Это и рабочий скот, состоявший из лошадей и быков, которых зачастую называли волами. Домашний скот в виде дойных коров и телят и скот мелкий – овцы и козы. Известно, что в станице Гундоровской по сельскохозяйственной переписи 1911 года числились даже верблюды и ослы. Всему находилось своё применение. Нельзя было обойтись без собак и кошек.

Каким было соседство казаков с этим миром животных, рассказывается в литературных заметках нашего земляка – краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало – в №№ 1, 3, 5, 8, 10 за 2024 год).

Хутор Швечиков просыпался под крик петухов, а засыпал под лай собак. Ежедневно после заката солнца, как по расписанию, раздавался разноголосый лай собак. Ни дать ни взять переключка или вечерняя поверка в армии перед отбоем. Каждое гавкучее существо будто рапортовало, что готово нести ночную сторожевую службу. В качестве заглавной партии в этом собачьем хоре поначалу слышался глухой раскатистый лай сторожевых псов у хуторской лавки торгового казака Карапыша. Представители недоступной для простых хуторских обывателей породы кавказских овчарок были куплены за большие деньги на Митякинской ярмарке. В громких звуках, издаваемых ими, сквозило угрожающее предупреждение:

- Не подходи, не залезай сюда, не трогай имущество хозяина! Мы свой хлеб едим не даром!

Могло показаться, что в поведении этих могучих животных проявлялось по отношению к соседским собачонкам даже какое-то чванство. Ну совсем как у людей! И в грозном лае можно было при желании услышать:

- Мы вон какие богатства охраняем, а вы – жалкие куреньки с сараюшками. Посмотреть не на что и воровать нечего.

Гавкучий концерт начинался с вдовьего кутка. Хозяева поумирали, а собаки остались и пережили своих кормильцев. От того и в их разноголосице будто прорывались тоскливые нотки.

Потом, после недолгой паузы, заливалась какая-нибудь Жулька с прибрежной улицы. Этим самым она хотела напомнить о себе своим хозяевам и, возможно, получить похвалу. Но такого никогда не бывало. Пинок получить было куда вероятнее. Гавкаешь и гавкай, такое твоё дело и судьба.

Очень деликатный пёс был на усадьбе у отца Евлампия, настоятеля хуторского храма. Чёрный-пречёрный в окрасе, совсем как в соответствующем облачении, он беспричинно никогда голос не подавал, а уж на посетителей, пришедших договориться со священником об отправлении какой-либо религиозной требы, – тем более. Евлох, так звали этого пса, словно понимал, что нёс службу на усадьбе у лица духовного звания и, будто проникшись этим, вёл себя достойно и никогда в перегавкивания с соседскими кобелями не вступал.

Особенно у хуторян ценились звонкоголосые небольшие собачки, по-

Кавказская овчарка.

шедшие от привезённой с ростовского базара коричневой таксы, которая была обгуляна одним из местных кобелей-красавцев. Получилась порода с непонятным цветом шерсти, но с отличительными особенностями в виде коротких ног, длинного туловища и острой морды. В шутку это беспородье называли швечиковской коротконогой, а за звонкий и визгливый лай ещё и дишканчиками.

Как раз такого пса держал на своём дворе местный неисправимый болтун и хуторское посмешище по прозвищу Трёкало. Его рассказы и всевозможные бессвязные истории не могли порой переслушать соседи, но и бесполовая собачка, казалось, брала пример с него. Уже замолчат все ночные мохнатые сторожа во всех концах хутора, а тот продолжал заливаться, словно обязательно хотел оставить за собой последнее слово. Ну совсем как его хозяин, страдавший таким же недостатком.

Все в хуторе знали, что собака в казачьем хозяйстве – весьма полезное существо. Подойдёт кто-либо из посторонних к воротам усадьбы – тут же лай. Иногда несильно беспокоящий, так, вполголоса, чтобы дать хозяину знать, что пришел знакомец, бывавший раньше в казачьем курене. Такая вот собачья деликатность. И как только хозяин выходил встречать гостя, умный пёс тут же замолкал и, гремя цепью, с чувством исполненного долга отправлялся к себе в собачью будку ожидать от хозяина возможной благодарности в виде миски еды или ещё лучше – настоящей сахарной косточки или мосла, пригодного для того, чтобы полировать его до блеска не один день. Бывают же подарки и в собачьей судьбе!

Когда же подходил близко человек незнакомый, а если ещё и не хуторской житель, а заезжий торговец офеня или краснорядец, не распродавшийся на ярмарке, или цыган, идущий к атаману, чтобы договориться с ним о месте для стоянки табора у Донца, то тут лай был озлобленным и на самых повышенных тонах. Ну чисто собачья грубая брань с коленцами и оборотами. Перевести только эти злобствования было некому.

Казаки, как могли, заботились о жилье для своих домашних питомцев. У лавочника Карапыша был выстроен настоящий вольер из тонких металлических прутьев, в которых пара кобелей проводила день в спокойной неге и при обильной кормёжке, редко поднимая голос на случайно зашедшего во внутренний двор чужака. На усадьбах позажиточнее будку для сторожевой собаки строили одновременно с куренем. Считалось, что если обрезки от оставшихся досок запустить на жильё для верного охранника дома, то будет совместная жизнь хозяина и собаки долгой и дружной, да и новоселье можно в один день отмечать. Кота – в дом, а собаку – в будку!

Службу такому стражнику надо было править во все времена года и в любую погоду. Зимой, в лютый мороз и метель, когда полностью заметало снегом будку. В дождливое ненастье, когда двор превращался в сплошную лужу, но и по ней нужно было бегать на цепи, не выбирая сухого места. Или летом, когда жара загоняла собаку в придомовую тень, а плотное шерстяное одеяние делало зной совсем нестерпимым. Зато когда хозяин вечером брал с собой покататься в Донце, то это было настоящее собачье счастье!

Однако у собак, этих бдительных сторожей и надёжных помощников, был один известный недостаток – они плодились с невероятной скоростью. Казаки шутили: так бы приплод появлялся от особенно полезных домашних животных: овечек, коз и прочей малоразмерной живности, тогда бы мясо ели и мясом закусывали.

В один год пошло сильное переполнение собачьего населения от хутора Степного, который швечиковцы называли Жабчиками. Всем известная своей набожностью старуха, да ещё и жена местного церковного старосты, узнала, что в соседнем с нею казачьем семействе уничтожили лишнюю собачью приплод по хорошо известному способу – три кутёнка на цибарку воды. Она тут же к отцу Евлампию за разъяснениями. Тот, конечно, такое деяние осудил и передал виновникам пожелание скорее замолить содеянные грехи. Но, видно, не успели они это сделать, и на семью стали одна за другой падать грозные напасти. Сгорели от удара молнии кухня-летница и пара сараев для скота. Едва свой казачий курень отстояли. Утонул в копанке для полива огорода трёхлетний малец. Совсем скоро молодой и цветущий казак из этой семьи, только что пришедший с действительной службы, вмиг зачах и умер. Причина всем и сразу стала понятной.

С тех пор собачьи свадьбы в этом хуторе никто не разгонял и в цибарках щенят не топил. Зато собачье население в хуторе возросло в несколько раз. Куда девать-то его? Стали собирать щенков в мешки и потихоньку развозить по соседним хуторам.

В Швечикове лохматое поголовье прореживали тихо и без привлечения чужого внимания. Чтобы на свои души грех не брать, зазывали известного забулдыгу, недоумка и пьяницу по прозвищу Паршик. При общении с ним на нужную тему слов не было. Только жесты. Ему вручалась старая цибарка и показывалось место, откуда нужно было забрать ненужный приплод. Паршик выгребал щенков из-под амбаров и из собачьих будок, отбиваясь при этом от почуявших неладное кормилиц, оставлял одного, чтобы роженица не заболела, а остальных навсегда уносил к Донцу.

За такое потайное дело ему хозяева давали полбутылки самогонки, шмат сала, несколько головок лука и краюху хлеба. Получая вознаграждение, Паршик дурашливо приговаривал:

- На помин душ, безвременно усопших.